

С.И.ГОЛОД

**СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ: ПЛЮРАЛИЗМ
МОДЕЛЕЙ**

Голод Сергей Исаевич — доктор философских наук, директор Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Адрес: 198052 Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская 25/14, тел. (812) 316-32-70, факс (812) 316-29-29.

В последние годы издан ряд учебников и лекционных курсов для вузов по социологии [1]. Само собой разумеется, в каждом пособии присутствует раздел "Семья". Однако, к моему удивлению, здесь, как правило, воспроизводятся сюжеты, обсуждаемые еще в середине 50-х годов (У.Гуд, А.Харчев). Мало того, информация нередко преподносится в искаженном виде. Для иллюстрации ограничусь выдержкой из учебного пособия, предназначенного курсантам высшей пожарно-технической школы МВД РФ. Читаем: "Наряду с процессом, который можно обозначить как нормативную социализацию и институционализацию отношений между полами, происходил процесс их нравственного и эстетического обогащения, охвативший сначала не все, а лишь отдельные слои общества и завершившийся появлением индивидуальной половой семьи" [2].

Предположение о реальности коллективной и бесполой семьи — абсурд. Если даже не придавать значение подобным пассажам (коих, к сожалению, много), то все равно трудно продвинуться в познании закономерностей эволюции моногамии, рассматривая из года в год, из десятилетия в десятилетие динамику ее структуры и функций. Нельзя понять и оценить состояние и перспективы семьи, игнорируя революционные перемены, происходящие с этим социальным институтом в целом. Важнейшая из них, по-видимому, связана с массовым переходом в конце XIX и начале XX столетия при заключении брака от "сватовства" к "ухаживанию", то есть от обычая к свободе индивидуального выбора.

Распространение ухаживания явилось одновременно и причиной, и следствием эмансипации детей от родителей. Освобождение детей от перманентной родительской опеки вкупе с эмансипацией жены от мужа создали две кардинальные проблемы — малодетность и всплеск разводов. Конечно, в одночасье патриархальный тип семьи не канул в лету, однако восторжествовал иной тип — детоцентристский.

* * *

Еще в начале 80-х годов, анализируя литературные источники и собственные эмпирические данные, я высказал предположение о наличии трех идеальных (в духе М.Вебера) исторических типов моногамии [3]. Эта идея не осталась вовсе незамеченной. Одни специалисты (А.Антонов, В.Борисов, А.Синельников) подвергли ее, мягко говоря, критике; другие (М.Арутюнян, Т.Гурко, Г.Заикина, Н.Малярова), ориентированные, по сути, на западные социально-

психологические теории — разглядели в ней определенный эвристический принцип. Минуло десятилетие, и ныне некоторые отечественные социологи и демографы стали разрабатывать концепцию многообразия семейных форм. В одной из коллективных монографий находим: "Исторический тип семьи, — как старый, так и новый, — задает лишь общие границы, внутри которых могут реализоваться соответствующие этому типу модели семей" [4]. В том же ключе высказывается известный французский социодемограф Л.Руссель. Семейные формы, рассуждает он, столь же разнообразны, сколь и представления современных людей о счастье. В связи с этим им отвергается идея господства какой-либо одной модели семьи [5, p.292]. Не все из сказанного представляется бесспорным, но суть не в этом. Главное — признание множественности идеальных типов семей и их моделей.

В данной статье семья рассматривается как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства. Доминирование одного из названных отношений и его характер (упрощенно говоря, от крайней формы половозрастной зависимости до соответствующей автономии) могут служить критериями, определяющими исторический этап эволюции моногамии. Исходя из этой логики, и были сконструированы следующие идеальные типы: патриархальный, или традиционный, детоцентристский, или современный, супружеский, или постсовременный. В настоящее время все эти типы функционируют параллельно, но в каких моделях и пропорциях — вот в чем основная исследовательская задача.

* * *

Наиболее архаичный тип — патриархальный: ведущие отношения — кровнородственные, явная зависимость жены от мужа, а детей от родителей. Главенство мужа осуществляется благодаря сосредоточению в его руках экономических ресурсов и принятия основных решений, в связи с чем и происходит жесткое закрепление ролей.

Было бы упрощением полагать, что изживание приоритетов главы семейства и сопутствующих ритуалов происходит с легкостью. Отнюдь. Немало свидетельств указывают на инертность и противоречивость этого процесса. Так, "в марийской семье понятие "глава семьи" (указали 4/5 опрошенных в 70-е годы) непоколебимо и по-прежнему им считается мужчина. Сохраняется традиционный этикет. Жена уважительно отзывается о муже, по меньшей мере, при гостях и посторонних, оказывает особое внимание свекру и свекрови. В домашнем быту более 90% семей сохраняют унаследованное разделение работ по полу" [6]. В сельской местности Сибири до сих пор фиксируется другой важный показатель традиционной семьи — тенденция к всеобщей брачности [7].

Не должно думать, что традиционные отношения в последней трети XX века присущи исключительно Поволжскому или Сибирскому регионам. В городах Центральной России эти принципы, хотя и не в столь выраженной форме, также живучи. Сватовство, решение по поводу важнейших проблем жизнедеятельности семьи

принимается мужчиной, исчисление родства — патрилинейно, брачующаяся меняет свою фамилию на фамилию мужа, при наречении новорожденного используется реестр родовых имен.

Итак, статистические и опросные материалы, с одной стороны, безоговорочно свидетельствуют не только о заметном распространении патриархальной моногамии, но и о наличии многообразных ее моделей, характерных для тех или иных этнических общностей и географических районов страны. С другой — эти принципы в текущем столетии в большинстве регионов подверглись пересмотру. И когда сегодня подчеркиваются кризисные явления, то надо знать: речь идет главным образом о патриархальных моделях семьи. На самом деле эмансипация женщин и все сопутствующие ей социально-экономические и нравственные перемены подорвали (но не ликвидировали) основы авторитарности и, как следствие — изменение матримониального поведения, рост числа разводов и внебрачной сексуальной практики и др. [8]. Немало специалистов усмотрели в обозначенных тенденциях угрозу семье как социальному институту и стали активно призывать к реставрации [9]. Сторонники этой идеи игнорируют взаимозависимость семейных моделей и ценностей глобального общества. Право же, призывать к форсированному разрушению традиционного типа — бессмысленно. По-видимому, и в обозримые годы для какой-то части населения России (нет сомнения, незначительной) ведущие жизненные потребности и ожидания будут сводиться к внешне устойчивому браку, "домашнему очагу", профессионально незанятой жене, многодетности и т.п.

Начиная с первых десятилетий XX века в крупнейших городах Европейской части страны формируется новый тип моногамии — детоцентристский. Ему присуще возвышение роли частной жизни, интимности и ценности детей. Супруги осознают необходимость регулировать сроки и частоту зачатия, в силу чего ограничивается репродуктивный период пределами 5-10 лет и рождением одного-двух детей [10, с.21-23]. Возможность внешнего давления, как показала практика демографической политики (к примеру, французской после второй мировой войны), предельно мала. Исчерпал себя и обычай многодетности. Социализация приобретает иной смысл. Во-первых, нарушаются горизонтальные отношения. В семье либо нет брата (сестры), либо есть, но того же пола, мало кузинов и с теми (благодаря мобильности) редко или вовсе никогда не контактируют. Во-вторых, желанный ребенок превращается в объект родительской заботы и стойкой привязанности. (Подмеченная мною эволюция моногамии созвучна общеевропейской ситуации. Страны сообщества отреагировали на распространение описанных моделей специальной политикой относительно детей [11]).

Детоцентристский тип семьи, несомненно, существенный шаг в трансформации моногамии, ибо повышается материальная и духовная забота о детях. Важно и то, что он базируется на личностном выборе супруги(га). Последний сопровождается относительно большей идеализацией отношений между полами, с завышенным ожиданием благополучия, взаимного счастья и подспудным стремлением к половой субкультурной автономии. Вследствие чего сколько-нибудь серьезный конфликт (даже

эмоциональный) чреват разводом. И в самом деле, последние восемьдесят лет кривая развода непрерывно росла. Чем можно объяснить данный феномен?

Свобода выбора партнера, по моему убеждению, подразумевает и свободу расторжения брачных отношений, если они складываются неудачно. А так как вероятность ошибок при выборе супруги(га) исключить нельзя, то частота разводов, по меньшей мере, не должна снижаться. Недаром со второй половины столетия развод стал рассматриваться многими исследователями как атрибут брака. В рамках христианской цивилизации развод долгое время оставался либо запретным, либо исключительным фактом. Законодательно разрешенный в большинстве индустриальных стран, он тем не менее оставался до середины 60-х годов маргинальным явлением, накладывая на тех, кто к нему прибегал, самое настоящее клеймо. В дальнейшем произошел переход от развода как крайней меры к статусу нормального решения и стал банальным поступком, вписывающимся в суть брака. Поэтому удивляться приходится, согласимся с французским социологом, не тому, что много разводов, а напротив, их относительно малому числу. По-видимому, уточняет специалист, прошлые блага союза образуют зачастую нечто вроде кредита, который не истощается в критической ситуации. Сохранение эмоциональной солидарности создает капитал, компенсирующий утрату иллюзий. Помимо того, цена развода нередко слишком обременительна, влечет за собой внезапный отказ от привычек, придающих уверенность. Он предполагает реорганизацию повседневной жизни и социальных связей [12].

Характер межпоколенных отношений приоткрывает возможность для типологизации детоцентристских моделей. Обозначу некоторые из них. Первая — "неврологическая": ребенок выступает средством самоутверждения одного из родителей, (чаще матери). Клинические эксперименты свидетельствуют: матери детей, страдающих неврозами, в отличие от матерей контрольной группы, реже общаются с ребенком на равных. Они, как правило, навязывают свое мнение, скрупулезно и последовательно осуществляют контроль, не позволяя ребенку хоть в чем-нибудь проявить самостоятельность. Незрелость отношений привязанности между матерью и ребенком может преобразоваться в стабильное отвержение ребенком собственного "Я" [13]. Вредит и избыток нежности. Поощрение родственниками ребенка отнюдь не должно выражаться в удовлетворении всех и вся его желаний. Напротив, в потакании, в попустительстве прекращается забота.

Вторая — "амбивалентная". На ребенка воздействует "отраженный свет" родительских отношений — волны тепла чередуются с волнами холода. Преобладание тех или иных, особенно на решающих этапах индивидуального формирования психофизики, предопределяет в конечном счете духовный и эмоциональный потенциал взрослого человека.

В третьей — "инвестиционной" — осознанно проводится позитивный не только количественный (планирование зачатия), но и качественный принцип детоцентризма. Родители осуществляют по преимуществу культурную инвестицию в детей (частные дошкольные группы,, престижные учебные заведения, музыкальные,

языковые и прочие кружки), питая надежду на осуществление нереализованных ими ценностей и потребностей. Описанные семейные модели, судя по нашим эмпирическим данным 1981 года, в Ленинграде получили преимущественное распространение среди всех страт населения. Повторный опрос, проведенный через 10 лет, зафиксировал дальнейшее расширение их границ [14].

* * *

В последние несколько десятилетий наблюдается, в основном в крупных городах, формирование еще одного типа моногамии, который мною назван "супружеским". В этой семье стратегические отношения определяются не родством (как в патриархальной) и не порождением (как в детоцентристской), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации, в супружеские отношения проник эротизм, акцентируемый как ключевой момент постсовременной семьи.

Супружеская семья — своеобразная кооперация. Она предоставляет уникальные возможности для отхода от зависимых отношений и раскрытия широкой деятельной палитры по всем структурным составляющим: муж-жена, родители-дети, супруги-родственники, дети-прародители. Иными словами, в границах этого типа возникают (благодаря опоре на ценности интимности и автономии) глубокие и разносторонние отношения между полами и поколениями, что создает условия для самореализации каждого индивида.

И последний штрих к обсуждаемому типу семьи. Теоретическое разнообразие супружеских моделей не вызывает сомнений, их практический поиск еще не завершен.

Нужно ли доказывать: чем богаче и многообразнее типы и модели семьи, тем они внешне менее устойчивы. И это — плата за прогресс. Необходимо, как это ни банально звучит, смотреть правде в глаза: классическая моногамия (но не единобрачие), господствовавшая в христианском мире на протяжении XIV-XIX веков, сужает свои границы. Появление немногогамных форм исследователи нередко объясняют сложностью становления современных и постсовременных моделей семьи. Это одна из вероятных, но далеко не самая удачная версия. Другая может быть сформулирована так. Альтернативы — свидетельство всплеска фундаментальных потребностей человека в формотворчестве, в поиске счастья, в такой, казалось бы, инертной и рутинной сфере, какой видится обыденному сознанию семья.

К наиболее представительным альтернативным союзам относятся фактические браки (cohabit), повторные браки (remarriage) и семьи с неродным родителем (stepparenting).

* * *

Фактические браки приобретают все возрастающую популярность в западном мире — в Швеции и Англии, Франции и Нидерландах, США и Канаде. Не осталась в стороне и Россия.

Молодые люди во всех странах полагают, что ни любовные клятвы, ни заверения в вечной верности не делают брак прочным, отношения могут быть стабильными в большой

мере благодаря рождению желанного ребенка. Исходя из этого, юноши и девушки предпочитают интенсивное общение, включая и сексуальную близость, но юридически оформляют свои отношения чаще всего лишь в том случае, когда по обоюдному согласию зачинают ребенка. Вместе с тем, эти контакты, даже существующие достаточно долго, правовым закреплением могут и не завершиться.

По свидетельству Л.Русселя, обобщившего статистический материал по пяти странам (Дания, Франция, Голландия, Швеция и США), широкое распространение фактических браков начинается с середины 70-х годов. В этом смысле наиболее показательны кривые по Швеции и Франции. В первой — среди мужчин 25-29 лет в 1975 году сожительствовали 21%, к 1985 году доля таких отношений возросла до 31%; среди женщин соответственно 17 и 31%; во втором — та же возрастная когорта — у мужчин рост (в течение десяти лет) от 3 до 17%, у женщин — от 2 до 14% [5, p.108].

В России не проводилось подобных опросов. Однако имеются косвенные подтверждения распространенности молодежного сожительства. Одно из них вот какое. В конце 70-х годов (а затем и в начале 80-х) мною во Дворце торжественной регистрации новорожденных (Ленинград) опрашивались супружеские пары. В числе прочих вопросов был и такой: "Сколько времени Вы состоите в браке?" Примерно каждая пятая пара приходила от него в смущение, начинался долгий подсчет. Пришлось помогать: "Вашему ребенку два-три месяца, прибавьте срок беременности. Таким образом, Вы женаты около года. Не так ли?" — "Ничего подобного, — возражали респонденты, — всего несколько месяцев." Нетрудно догадаться, ребенок был зачат, как минимум, за полгода до юридического оформления брака. Понятно, перед мною были сожители, которые в конечном счете завершили свои сексуальные контакты правовым актом. Сколько же молодых людей не пришли к такому решению, точно сказать невозможно. К слову, аналогичные процессы стали наблюдаться в 80-х годах и в сельской местности.

Новосибирский демограф А.Р.Михеева, основываясь на динамике рождения внебрачных первенцев, регистрируемых по заявлению обоих родителей, зафиксировала существование фактических браков в самых молодых возрастах (матери от 15 до 19 лет). По ее убеждению, большинство сожителей надеются когда-нибудь вступить в брак, и рождение ребенка стимулирует это событие. "Гипотеза о том, что матери внебрачных детей не остаются одиночками в сибирских селах, основана на выводах о высокой, практически всеобщей брачности женщин в регионе" [15].

Согласно американскому социологу Б.Адамсу повторные браки (remarriage) в США встречались всегда, но до текущего столетия почти все они были следствием овдовения. Сейчас же иное положение дел: в 1900 году 3% всех новобрачных приходилось на разведенных, в 1930 году — 9%, в 1975 году — 25%. В пределах пяти лет после развода 3/4 бывших супругов вновь вступают в брак. При этом более склонны к последовательной полигамии черные, менее образованные и женщины с низкими доходами [16].

В нашей стране повторные браки стали играть

существенную компенсирующую роль, в основном по отношению к союзам, распавшимся вследствие развода. При этом матримониальная судьба мужчин и женщин после развода складывается не всегда одинаково. Разведенные или овдовевшие мужчины вступают в повторные союзы намного чаще, чем женщины. Так, в повторный брак через 10 лет после овдовения или развода на 1000 овдовевших и разведенных в 1950-1954 годах вступило 673 мужчины и 219 женщин, в 1960-1964 годах соответственно 598 и 243 и, наконец, в 1970-1974 годах — 579 мужчин против 274 женщин [10, с.19]. Следовательно, налицо определенные сдвиги в сторону сближения их матримониального поведения: число вступивших в повторный брак мужчин сокращается, а женщин, напротив, возрастает. Такие союзы сопровождается клубок противоречий, особенно в тех случаях, когда женщина, имеющая ребенка, рождает и в повторном браке (stepparenting). Пределы семьи становятся расплывчатыми, характер же отношений женщины с бывшим "мужем-отцом" и актуальным "мужем-отцом", ребенка с матерью, отцом и отчимом, сводных братьев (сестер) между собой — неопределенным и запутанным. Один наглядный образец такой семьи с большой долей тепла и оптимизма реконструирован французским социологом-феминисткой А.Мишель [17]. С ней можно соглашаться или не соглашаться в деталях, но не признать остроты проблемы нельзя. Американцы, в свою очередь, установили ряд эмпирических закономерностей, характерных для подобных семей. Во-первых, супруги, прожившие совместно более семи лет, высказывают большую свободу как в наказании, так и в поощрении неродных детей по сравнению с теми, кто состоял в таких семьях менее трех лет. Во-вторых, пасынки лучше приспособляются, чем падчерицы: девочки хуже мальчиков ладят как с родными, так и с неродными родителями. В-третьих, отношения между мачехой и ее приемными детьми являются самыми сложными и непредсказуемыми. И, в-четвертых, близость во взаимоотношениях между падчерицей-пасынком и родителями уменьшается, когда дети вступают в подростковый период [18].

Нельзя не удивиться полному отсутствию интереса к альтернативным семьям со стороны российских психологов, социологов и юристов. То ли нет проблемы, то ли легче идти по проторенному пути?

* * *

Подведем некоторые итоги. Вопреки заверениям большинства наших социологов, демографов и футурологов, предрекающих либо кризис, либо, в лучшем случае, монополию "подчищенной" (утратившей некоторые функции, приобретающую единственно возможную структуру) моногамии, факты и тенденции свидетельствуют о противном. Реальная картина не только мозаична, но и всецветна. С одной стороны, исследования, проведенные во многих странах (в том числе и в России), подтвердили идею репрезентативности веками выпестованной цивилизацией моногамии. Необходимо осознать, что стабильность обозначенного института предопределена богатством его эволюционного потенциала. Именно этим обусловлено многообразие его типов и моделей. С другой — высветились закономерности формирования

альтернативных моногамии семейных моделей. К сожалению, у отечественных исследователей семейных процессов недостает ни знаний, ни дерзаний для углубленного осмысления указанных феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаров М.С. Введение в социологию. Учебник для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994; Фролов С.С. Социология: Учебник. М.: Наука, 1994; Социология: Курс лекций. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994.
2. Социология: Учебное пособие. СПб.: ВПТШ МВД РФ, 1994. С.195.
3. Голод СИ. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.
4. Эволюция семьи и семейная политика в СССР / Ред. А.Г.Вишневский. М.: Наука, 1992. С.17.
5. Roussel L. La famille incertaine. Paris, 1989.
6. Пакратова М.Г. Сельская женщина в СССР. М.: Мысль, 1990. С.137.
7. Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1993. С.45.
8. Голод СИ. Будущая семья: какова она? (Социально-нравственный аспект). М.: Знание, 1990.
9. Синельников А.Б. Социально одобряемые причины разводов в прошлом и настоящем // Социологические исследования 1992. № 2.
10. Население России. Ежегодный демографический доклад // Евразия. 4 (12). М., 1993.
11. National family policies in EC-Countries in 1991. Vol. 1. Brussel, 1992.
12. Roussel L. Sociographie du divorce et divortialite // Population. 1993. № 4. P. 927-928.
13. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: МГУ, 1989.
14. Голод СИ., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. СПб: СПбФ ИС РАН, 1994.
15. Михеева А.Р. Феномен сожительства в сибирской деревне: новая форма семьи или продолжение традиции? // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике. (Материалы к XIII Всемирному социологическому конгрессу). 4.1. Проблемы социальной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1994. С. 142.
16. Adams B. The Family. A sociological interpretation. Orlando, 1986. P. 347.
17. Мишель А. Марина, Сара, Мишель и Жак // Курьер ЮНЕСКО. 1989, Сентябрь. С. 34-37.
18. Stepparenting: Issues in Theory, Research, and Practice / Ed. by Pasley K. and Ihinger-Tallman Westport, Connecticut, 1995. P. 239-250.